

Всегда в пути

Ангарский поэт Анатолий Кобенков стал членом Союза писателей — событие для нашего города весьма примечательное. Из тех ангарчан, что начинали в родных пенатах свой путь в большую литературу, он — первый! Думается, и для этого есть все основания, что скоро в этом ряду мы назовем и другие имена поэтов и прозаиков, чье творчество уже хорошо известно сибирякам. Но, как говорится, это тема уже другого плана.

Впервые с поэзией Анатолия Кобенкова мы познакомились в шестидесятые годы. И сразу стало ясно — в этом не было и тени сомнения, — что человек он талантливый и сложный. Поэтому и было за эти годы на его творческом пути немало взлетов, но, увы, и столкновений с острыми углами, без которых редко бывает постижение глубин жизни, тех скрытых от нашего взгляда движений человеческой души, раскрыть которые дано лишь подлинному поэту.

Я помню, как в 1976 году на зональном совещании молодых литераторов Сибири и Дальнего Востока, проходившем в Иркутске, обсуждалась книга стихов Анатолия Кобенкова «Вечера». О ней горячо, даже яростно спорили, аргументируя совершенно несопоставимые точки зрения строчками из одной и той же книги, даже из одного стихотворения. Но в одном все были едины — читатель вправе ждать более зрелой, поэтически более значимой книги. Ждать, как уточнил лауреат премии Ленинского комсомола поэт Марк Соболев, более гражданственного звучания поэтических произведений Кобенкова. Тем более что первый шаг к этому уже был сделан в «Вечерах».

Ответом и оправданием этих надежд стала книга «Два года», увидевшая свет в 1978 году и сразу замеченная критикой. Широкому всесоюзному читателю «Два года» представило «Знамя» — один из самых солидных писательских журналов. Книга «Два года» хорошо известна ангарчанам, и потому, не называя самих стихотворений, на которые ссылается Юрий Болдырев, я позволю себе привести несколько строчек из его рецензии.

«Обаятельная непосредственность, живость, присущие многим стихотворениям Кобенкова, — пишет Болдырев, — рождают обманчивое на

первый взгляд представление о случайности сюжетов и ситуации. На самом же деле отбор есть, и довольно жесткий. Именно поэтому лучшие стихотворения книги напоены и свежестью, и остротой переживания, и ощущением праздничности — пусть даже замешаны они не на радости, а на грусти». И еще: «Самое важное, что выносит лирический герой Кобенкова из этих лет (речь идет о стихотворениях, посвященных армейской службе. - М. Ш.), — умение понять другого человека, почувствовать его душевные движения, жажду деятельной любви к людям. Из армии он уносит «все самое святое, чему с другими вместе присягал».

Это, теперь можно сказать с полной уверенностью, становится присущим всему творчеству Кобенкова последних лет. И закономерно, что подборки стихотворений Анатолия Кобенкова все чаще появляются на страницах всесоюзных журналов. Их публикуют «Советский воин» и «Сельская молодежь», «Сибирские огни» и «Сибирь»... Под рубрикой «Всегда в пути» вместе со стихами Риммы Казаковой и Давида Самойлова стихотворения Кобенкова публикует в последнем выпуске всесоюзный альманах «Поэзия».

Стремление к постижению «душевного движения» мы особенно чувствуем в беседах о поэзии по Иркутскому телевидению, которые завоевали широкий круг зрителей, открывая перед ними клады поэтической Сибири.

А поэт, как и прежде, в пути, в новом поиске той единственной строки, ради которой поэту «стоило родиться».

Шаганский М.

Знамя коммунизма. – 1979. – 26 дек. – С. 4.

Анатолий Кобенков

И ветра перетоп, и капля дождевая,
Бессонницы моей кибитка кочевая...
Благодарю судьбу за то, что не один,
И знаю до конца, что будет впереди...
Кибитка, торопись! В лицо летит песок,
Мгновенье рвет брезент годам на перевязку,
И мчится вспять сюжет от станции «развязка»,
И месяца опять трепещет завиток...
Луг, туча, фонари, садовые ограды,
И мы летим туда, куда спешить не надо...
И все же поспешим!
Я знаю, там не спят,
Еще полночный час не выкрикнул «по коням»...
Чем раньше мы домчим, тем раньше нас прогонят,
Тем раньше не простят, и годы пролетят.
И – ветра перетоп, и капля дождевая,
И я тебе никто, и я об этом знаю,
И все же поспешим!

Когда инопланетный звездочет
Одной звезды однажды не дочтется,
Он снимет нарукавники, вздохнет,
Зайдет в кафе и выпьет, с кем придется,
Ослабит галстук и увидит снег,
На теплый свет летящий из потемок...
Он будет старым, этот человек,
Но он заплачет – горько, как ребенок...
И верю я: поймет его жена,
В который раз разогревая ужин,
Что много лет была ему нужна
Моя земля
И я на ней был нужен,
Что он любил бранить мои стихи,
Что звезд ему осталось очень мало...
И, может быть, простит ему грехи,
Которые ни разу не прощала...